

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕВЕНГЕРСКИХ ПАМЯТНИКАХ В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ

АРМАН АУГАНОВИЧ БИСЕМБАЕВ*

Ключевые слова: *Западный Казахстан, Южное Приуралье, древние венгры, огузы, печенеги, Тортоба, Курман, Караой, Песчаный карьер, Эмба, поясные бляшки, кушнареновско-караякуповская культура*

Kulcsszavak: *Nyugat-Kazahsztán, az Urál nyugati előterének déli része, korai magyarok, oгуzok, besenyők, Tortoba, Kurman, Karaoj, Pészcsanij karjer, Emba, övveretek, kusnarenkovói és karajakupovói kultúra*

Арман Ауганович Бисембаев

К вопросу о древневенгерских памятниках в Западном Казахстане

В данной статье рассматриваются ранневенгерские памятники крупного региона Республики Казахстан – запада, граничащего с территорией Южного Приуралья Российской Федерации. Природно-географические условия большого региона являются детерминирующим фактором размещения памятников кочевого населения в раннем средневековье, в последние века I тыс. н.э. Сложившаяся на рубеже поздней бронзы – раннего железного века пастбищно-кочевая система продолжала функционировать позднее. Определенные коррективы в аспекты существования памятников того или иного населения вносили политические события яркого и динамичного периода VIII–XI вв., огузо-печенежского времени в истории Урало-Казахстанских степей.

Arman Auganovics Biszebajev

A nyugat-kazahsztáni korai magyar leletek kérdéséről

A tanulmányban a szerző a hatalmas területre kiterjedő Nyugat-Kazahsztánból származó korai magyar leleteket tekinti át, amely szomszédos azzal az Oroszországhoz tartozó területtel, amelyet az Urál nyugati előterének déli részeként ismerünk. A nyugat-kazahsztáni területek természeti és földrajzi viszonyai döntő módon befolyásolták a nomád népesség lelőhelyeinek elhelyezkedését a kora középkorban, az I. évezred utolsó századaiban. A késő bronzkor és a kora vaskor átmeneti időszakában kialakult pásztorkodó nagyállattartó életmód a továbbiakban is folytatódott. A különböző népegekhez köthető különálló közösségek az eseménydús 8–11. században, az oгуz–besenyő időszakban számos, az uráli és kazah sztyepp történelméhez kapcsolódó politikai eseményben voltak érintettek.

Территория Западного Казахстана, обширного региона, находящегося на стыке Европы и Азии, относится к районам, активно «пульсировавшим» и выплескивавшим различные объединения в западном направлении в период раннего средневековья, в последней четверти I тысячелетия. Данная ситуация связана в первую очередь с особенностями природно-географического характера рассматриваемой территории, и ее расположения в срединной части степного пояса Евразии, граничащей на севере с зоной лесостепи Оренбуржья и Башкирии, выходя на юге к пустыням Приаралья.

Крупный регион Республики Казахстан, очерченный крупной магистральной рекой – Уралом, несущей воды на две трети протяженности в широтном направлении, а далее, переходя в меридиональное, еще с раннего железного века представлял собой густозаселенный район кочевых объединений. Следует отметить, что не только размеры территории региона, но и географическое положение обусловило его центральное место в европейском и азиатском взаимовлиянии, во взаимодействии различных этнокультурных образований. Немаловажное значение имели и природно-климатические ус-

* Институт археологии им. А. Х. Маргулана Республики Казахстан. Г. Алматы, проспект Достык 44, abissembaev@mail.ru

ловия, обеспечившие развитие кочевой и земледельческой культуры Средневековья.

О природно-географической обусловленности расположения памятников раннего железного века Западно-Казахстанского региона неоднократно упоминалось в археологической литературе. Определенные итоги исследований на период рубежа XX–XXI веков были подведены С. Ю. Гуцаловым. Им же была подчеркнута необходимость исследования памятников ранних кочевников по территории левобережья Урала, как по «четко ограниченному природно-ландшафтному региону».¹ Природно-климатические аспекты не претерпели радикальных изменений в период средневековья, поэтому хозяйственно-экономические принципы обитавших групп населения в это время во многом повторяли сложившуюся в РЖВ систему кочевания, дополнительно корректируемые военно-политической ситуацией в конкретные хронологические отрезки.

Западный Казахстан имеет наибольшее протяжение с севера на юг – около 900 км, с запада на восток – около 1200 км, занимает площадь в 729,2 тыс. км². На севере он граничит с Оренбургской областью России, на востоке – Костанайской, Карагандинской, на юго-востоке – Кызыл-Ординской областями, на юге омывается Аральским (Большим Аральским) внутриматериковым морем, граничит с Узбекистаном и Туркменистаном, на западе омывается Каспийским морем, граничит с Астраханской, Волгоградской и Саратовской областями России.

Находясь в глубине Евразии, Западный Казахстан расположен в двух частях света – в Европе и Азии. Граница между ними в пределах Казахстана проводится по Уральским горам (Мугоджарам), реке Эмбе и по геологическим разломам в северной части акватории Каспийского моря–озера. Существуют природные различия между западной и восточной частями региона. К востоку от р. Эмба ландшафты резко приобретают азиатский характер, главным образом из-за смены состава биот и биомов. Данное местоположе-

ние региона предопределило его геологические, биогеографические и другие особенности.

На рассматриваемой территории прослеживаются последовательно сменяющие друг друга ландшафтные зоны: лесостепь, степь, полупустыня. Зона пустыни, в виде песков Больших и Малых Барсуков, наблюдается в Северном Приаралье. Северную часть рассматриваемого региона занимает небольшая по площади лесостепь без четко выраженной южной границы, вдающаяся в степь отдельными островками. Реликтовое урочище со сосредоточением колков Уркач (Оркаш) уходит глубоко в степь, в районе стыка рр. Илека, Эмбы и Ори.²

В физико-географическом аспекте поверхность Западного Казахстана очень разнообразна. Обширные низменности лежат ниже уровня океана, низкие горы сочетаются с многочисленными плато и равнинами. Наиболее широко в Западном Казахстане развиты аккумулятивные и пластовые равнины, к которым относятся Прикаспийская и Туранская низменности.³ Рельеф Западного Казахстана представлен чередованием плато, возвышенностей, речных долин и относительно пониженных равнинных пространств, тем самым представляя собой холмистую (возвышенно-волнистую) равнину. Наиболее приподняты северная и центральная части области (300–600 м), понижены западная и юго-восточная (100–200 м).

Левобережье Урала Западно-Казахстанского региона характеризуется ярко выраженной аридностью и континентальностью климата, нарастающей с севера на юг и с запада на восток. Распределение растений и самой растительности подчинено общему закону горизонтальной и вертикальной зональности. По растительному покрову Западный Казахстан содержит элементы трех зон. На севере проходит зона настоящих степей, значительная средняя часть региона включается в зону пустынных степей или полупустынь, южная часть находится в зоне пустынь.

Растительный покров региона отличается преобладающим степным характером. Южная

¹ Гуцалов 2004, 4.

² Чибилев 1987, 86–103.

³ Казахстан 1969, 12, 24–36, 118–120.

граница ковыльных степей проходит от верховьев Еруслана через Большой и Малой Узени, по отрогам Общего Сырта до левобережья р. Урала, оз. Челкар, к востоку прорезая водораздел Илека и Хобды в средней части. Южнее зоны ковыльных степей достаточно хорошо прослеживается зона типчаковых степей. Здесь господствует типчак, к которому примешиваются различные ковыли. В этих степях значительно сокращается мезофильное разнотравье, распространены степные кустарники.

Пустынные степи охватывают большую часть Западного Казахстана. На севере, гранича с зоной типчаковых степей, они почти вплотную подходят к отрогам Общего Сырта, а на юге примыкают к обширным массивам Рын-песков и не менее обширным белополынным и чернополынным пустыням на бурых почвах.⁴

Природно-географические характеристики рассматриваемого региона оказывали важнейшее влияние на особенности и количественный состав памятников ранних и средневековых кочевников. Оформление природно-климатических данных в тех чертах, что мы наблюдаем сегодня, отразилось на хозяйственных занятиях населения, выразилось в формировании пастбищно-кочевой системы⁵ – основы экономики кочевых обществ.

Расположение археологических объектов кочевого населения раннего средневековья в Западном Казахстане приурочено к комфортным экологическим нишам, что подтверждается данными картографирования памятников.⁶ В первую очередь, это зона среднего и нижнего течения Урала. Насыщенную памятниками зону образуют Большой и Малый Узени в среднем и нижнем течении. Причем этот локальный микрорайон дает памятники по всем периодам эпохи средневековья, что говорит о его привлекательности для кочевого населения вне зависимости от коллизий природного или политического характера. Сходными чертами обладает Уило-Кобдинский микрорайон, на территории которого обнаружены яркие и неординарные комплексы

раннего, развитого и позднего средневековья. Новые памятники были обнаружены в результате разведочных мероприятий в 2014 году в Темиро-Эмбенском бассейне. Однако, этот микрорайон так же, как Орь-Иргизский в плане расположения памятников эпохи средневековья, пока остается «*terra incognita*», и, соответственно, важным направлением для сосредоточения усилий исследовательского поиска. Комфортным регионом, хорошо изученным к данному времени, является среднее течение Илека в районе впадения Жаксы-Каргалы.

Археологические памятники конца I тыс. н.э., являющиеся наглядной иллюстрацией бурных политических коллизий, исследовались, начиная с XIX века по настоящее время. Однако, при активном изучении территории региона и массовых раскопках во второй половине XX столетия количество памятников интересующего времени значительно уступает другим периодам. Хотя нарративные источники, отражающие события, репрезентативны и происходят из различных районов, соприкасавшихся с кочевыми объединениями, и проявлявших к ним интерес.

Период VIII–XI вв., обозначенный в среде медиевистов, как огузо-печенежский, является одной из ярких, динамичных, и, пожалуй, пока еще загадочных страниц для истории Западного Казахстана. Он связан с борьбой за доминирование в регионе, противостоянием различных кочевых группировок, в конечном итоге, достигавших пределов северопричерноморских степей и попадавших в поле зрения русских летописцев, византийских писателей и европейских хронистов.

В фонды Областного историко-краеведческого музея г. Актобе РК в разные годы поступали случайные находки, которые своим обликом вносили определенный диссонанс в стройную общепринятую концепцию исторических событий конца I тыс. н.э. Но постепенное накопление подобных материалов стало весомым аргументом, подтверждающим пребывание на территории Западного Казахстана древневенгерских племен и их значительной роли в этнополитиче-

⁴ Атлас 1982, 78–79.

⁵ Акишев 1972, 31–46.

⁶ Бисембаев 2003, 87–90.

ской истории региона. Часть этих вещей публиковалась ранее, по мере их поступления в фонды музея.⁷

В экспозиции Областного историко-краеведческого музея г. Актобе долгое время демонстрировались предметы, обнаруженные в окрестностях города, принесенные краеведом А. Н. Амировым из Песчаного карьера. Клад литых бронзовых, частично посеребренных вещей состоит из двух круглых в виде колеса со спицами и ложными шариками блях, одна из которых является литейным браком, а у второй не спилены затеки металла – облой, между половинками формы (рис. 1. 1, 3). Также бракованной является ритуальная ложечка (рис. 1. 8) и биконьковые полые подвески, которых всего восемь штук (рис. 1. 4–7). Из всех предметов следы доработки в виде подточки имеются на двух серьгах с обломанными концами (рис. 1. 2, 9; рис. 2–5).

На берегу р. Эмба, недалеко от одноименного населенного пункта, из развеянного захоронения богатый комплект предметов, состоящий из деталей поясной гарнитуры и конской сбруи, выполненных из бронзы с серебрением, а также украшений из золота и низкопробного серебра, вместе с фотографиями с места находки, был передан в фонды Областного музея водителем геодезической экспедиции Б. З. Акдаулетовым в 1989 г. Среди поступивших предметов три сходные ременные пряжки с подвижным язычком и штифтами на приемнике ремня. Одна крупная лировидной формы с прямоугольной рамкой крепления ремня и литая с фигурным вырезом на пластине крепления ремня и двумя штифтами поперек (рис. 6. 5–7, 15, 19).

В комплекте присутствуют восемь наконечников ремней (четыре различного вида по два экземпляра) – массивные литые несимметричные с «растительным» орнаментом на лицевой стороне, напоминающим арабграфичную надпись, и тремя штифтами на оборотной, простые со скругленным нижним краем, схожие по форме с рельефным рисунком и ромбическим отверстием, а также литые вытянутых пропорций со скругленным нижним краем, подтреугольным

вырезом сверху и рельефным рисунком «растительного» характера (рис. 6. 1–4, 14, 20).

Ассортимент поясных бляшек состоит из 22 штук овальной формы с прорезью, трехлепестковым орнаментом в центре и цепочкой по краю (рис. 6. 25, 26), трех квадратных с фигурной прорезью, 36 штук прямоугольной формы с восьмеркообразными выступами на торцах и сердцевидных. Три гладкие, литые, две с вырезом, две с растительным орнаментом, 16 штук с круглым отверстием и 22 гвоздеобразные с полусферической шляпкой заклепки (рис. 6. 11–13, 16, 24).

К предметам конской ременной сбруи относятся четыре бляхи-распределителя, выполненные в виде трех прямоугольников с ложными шариками, расходящимися от полусферы в центре и пластиной на штифтах с тыльной стороны, а также литая массивная круглая бляха (рис. 6. 18, 8). Все предметы со следами серебрения отлиты или проштампованы из бронзы.

Из украшений присутствует серебряный перстень с полупрозрачным светло-коричневым камнем, золотая серьга с подвижно закрепленным шариком, ожерелье из пяти золотых шариков, бронзовые и серебряные пустотелые шарики-бубенчики с петелькой для пришивания на одежду (рис. 6. 17, 21–23, 27–29; рис. 7).

Отдельные предметы из раннесредневекового погребения, развеянного в песчаных дюнах в окрестностях п. Караой (Жетыколь) Уилского района, были продемонстрированы автору местными жителями с возможностью отрисовать и сфотографировать. В данный момент они находятся в школьном музее этого поселка. По сообщениям информаторов, захоронение было представлено человеческим скелетом, лежащим вытянуто на спине, головой на запад, на одном из песчаных холмов, в 3 км южнее поселка. Рядом со скелетом находились отдельные части костяка лошади – череп и кости ног. Скелет, кроме рассматриваемых в статье вещей, сопровождал сабельный клинок, разнообразные наконечники стрел, массивная нашейная цепь с медальоном, изображено бородастое мужское лицо.

⁷ БИСЕМБАЕВ 2003а, 60–74; БИСЕМБАЕВ–ФОМЕНКО 2016, 201–204.

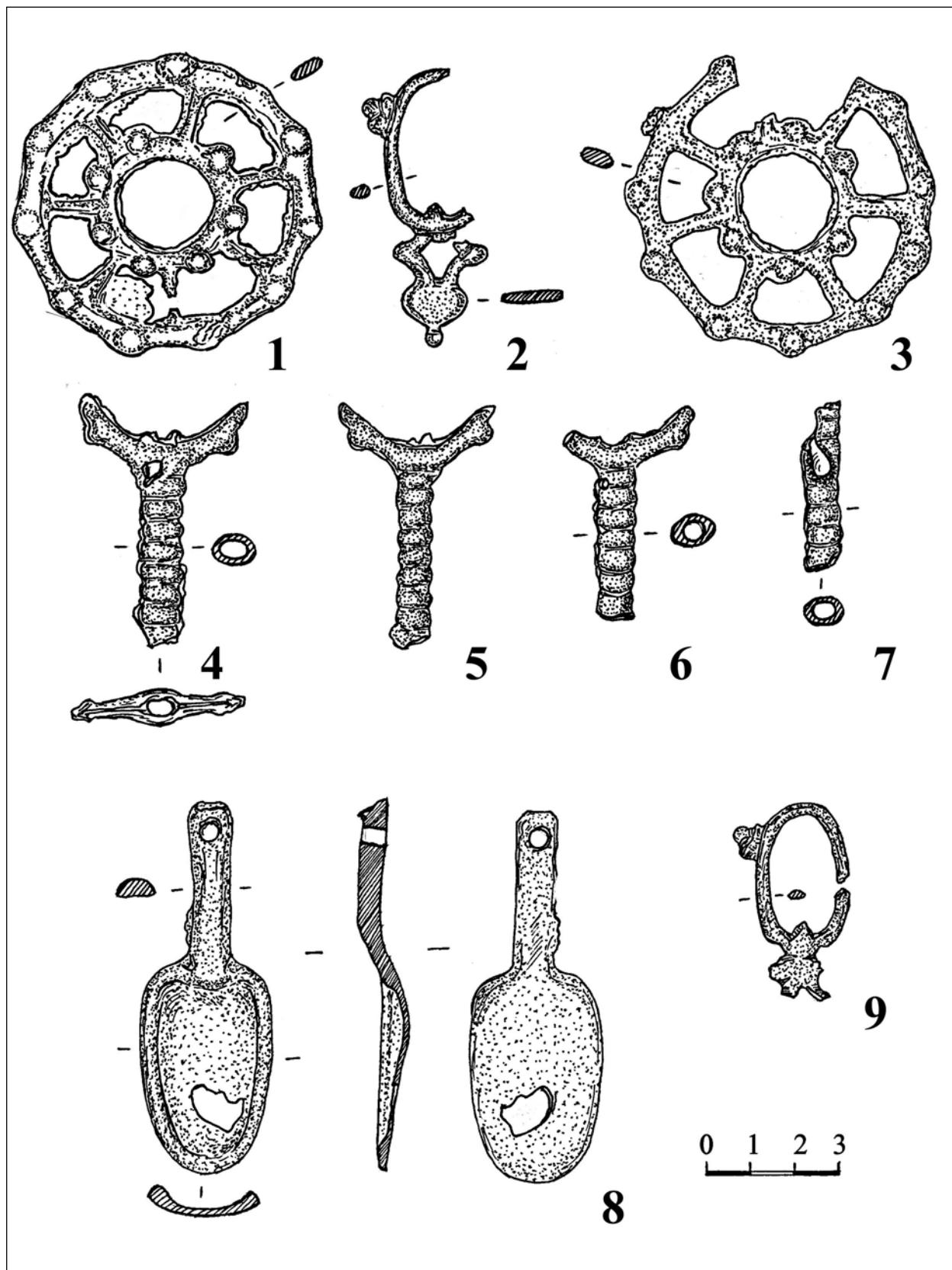

Рис. 1. Комплекс Песчаный карьер
1. kép. Leletegyüttes Peszcsanij karjer lelőhelyről

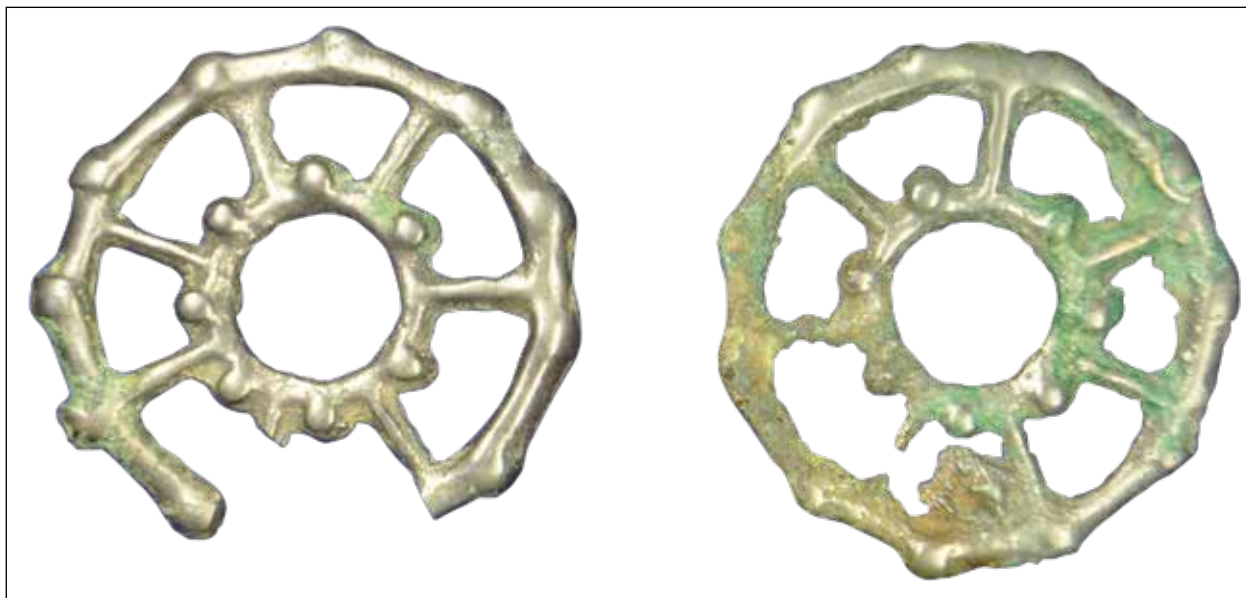

Рис. 2. Комплекс Песчаный карьер
2. kép. Pészcsanij karjeri leletek

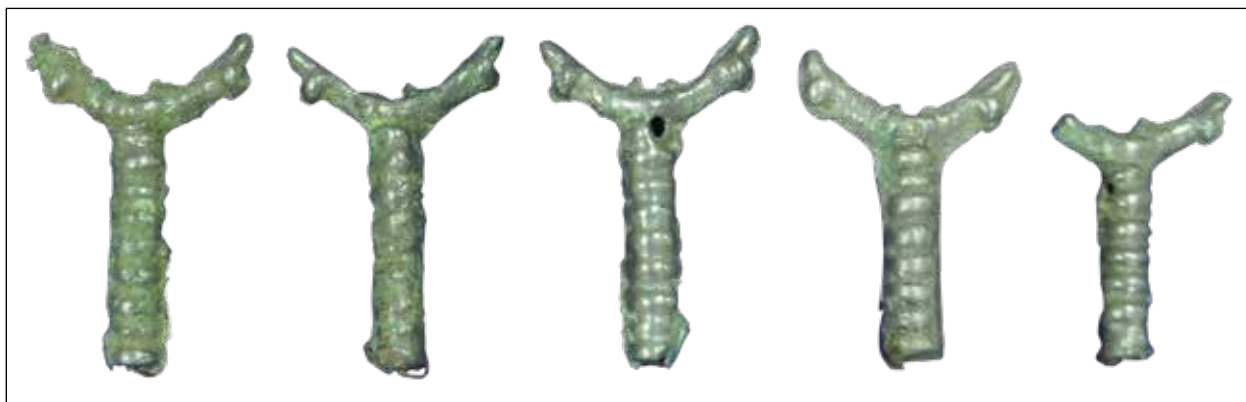

Рис. 3. Комплекс Песчаный карьер
3. kép. Pészcsanij karjeri leletek

К сожалению, установить местонахождение указанных предметов не представляется возможным, они окончательно утеряны, в связи с многочисленной сменой руководства школы.

Оставшийся комплект представлен тремя налобными бляхами конской сбруи, близкими по форме и характеру изготовления, но не абсолютно идентичными. Объединяет эти предметы сердцевидная или даже «щитовидная» форма, выпуклое стилизованное лицо человека на внешней стороне и штифтовое соединение наружной и тыльной частей пластин. Стилизация личины выполнена за счет формы нижнего выступа – «подбородка», пробитых треугольников

– «глаз» и чеканных прямоугольников налобного ремешка. В одной из блях, в пространстве между двух пластин закреплен кусочек бронзы, по-видимому, бляхи выполняли роль колокольчиков, позвякивая при движении (рис. 8. 1–3).

В одном экземпляре бляшка конской узды, вытянутая, с приостренными торцевыми концами и боковым отростком растительного характера. Отросток доработан подточкой, штифты заклепки на тыльной стороне с небольшими пластинками, на лицевой стороне прочеканен растительный орнамент (рис. 8. 8). По два экземпляра поясных геральдических бляшек с двумя штифтами на тыльной стороне и орнаментом на

Рис. 4. Комплекс Песчаный карьер
4. kép. Pészcsanij karjeri leletek

Рис. 5. Комплекс Песчаный карьер
5. kép. Pészcsanij karjeri leletek

лицевой; две поясные литые бляшки со штифтовым креплением, оформленные в виде двух параллельных рядов по три округлых выступа вдоль вертикальной цепочки (рис. 8. 4–6). На одной из трех практически идентичных птицевидных бляшек отломано левое крыло. Выполнены отливкой с прочеканным орнаментом и четырьмя крепежными штифтами. Все предметы изготовлены из бронзы с серебрением (рис. 8. 9).

От всего комплекса вооружения сохранился железный кованый черешковый наконечник стрелы. Боевая часть плоская, ромбовидная с упором при переходе в квадратный в сечении со спиленными гранями черешок (рис. 8. 10). Примечательной находкой являются фрагменты лепного сосуда из светло-серой глины. Тесто с примесью толченой раковины, песка и шамота, обжиг неравномерный. Один из фрагментов орнаментирован палочными вдавлениями различной толщины в виде рядов, разделенных небольшими углублениями (рис. 8. 7; рис. 9).

Металлические предметы, украшавшие сбруйные и поясные ремни, обнаруженные в песчаных массивах среднего течения р. Уил, юго-западнее, в 27 км от одноименного районного центра, недалеко от небольшого поселка

Курман (Шубарши), были переданы в 2014 г. жителем Уилского района Актюбинской области Е. Б. Мукангалиевым в фонды Областного историко-краеведческого музея. По внешним морфологическим признакам предметы делятся на несколько типов, они имеют следы окисления и механической очистки от окислов, выполненной, вероятно, автором находок. По наиболее явным внешним характеристикам можно выделить следующие предметы:

- обломок небольшого перстня из биметаллического сплава белого цвета. Щиток овальной формы, без орнамента, судя по диаметру отверстия касты, небольшого размера, вероятно, носился на мизинце (рис. 10. 7);
- семь накладных бляшек подквадратной формы, размерами 2,5 × 2,5 см. Бляшки различной сохранности, присутствуют обломанные части, частично деформированы. От одной сохранилась только верхняя часть. Все они не орнаментированы, имеют прямоугольную прорезь в нижней части, крепления к ремню в виде двух штифтов на тыльной стороне. Эти бляшки располагались на ремне прорезью вниз, через которую крепились подвесные части воинского пояса (рис. 10. 11, 12);
- 13 литых бляшек-лунниц с «ушками», 2,5 × 0,8 см. Все они не имеют орнамента, каждая с одним – двумя штифтами, расположенными на тыльной стороне ближе к центру. Одна сторона бляшек – выпуклая, другая – вогнутая, поэтому по форме они напоминают полумесяц с округлыми выступами по краям, похожими на ушки (рис. 10. 6, 9, 10, 13);
- восемь бляшек прямоугольной формы, размерами примерно 2,5 × 1 см, без орнамента. Большая их часть имеет дефекты и повреждения. У каждой по одному – два штифта для крепления на тыльной стороне. Присутствует вертикальная линия в центре каждой пряжки, визуально делящая ее пополам. Четыре накладные бляшки с разделительной полосой по центру похожи на предыдущие, но меньше почти в половину (рис. 10. 14–17);
- подвесная бляшка ремня восьмерковидной формы, сильно испорченная, возможно фигурная. Орнамент не читается из-за сильного окисления. В одной из частей имеется оваль-

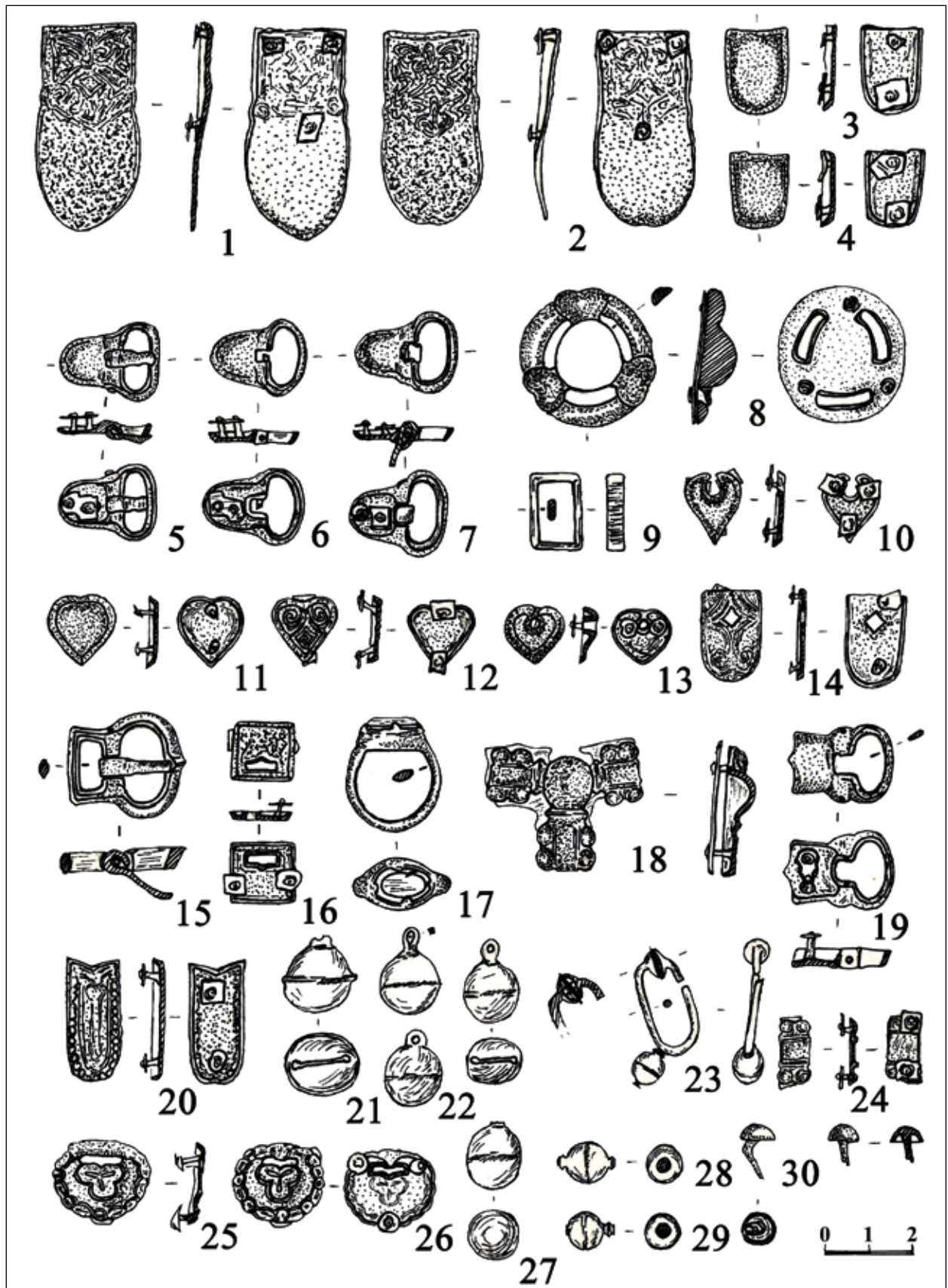

Рис. 6. Комплекс Эмба
6. кёр. Embai leletek

Рис. 7. Комплекс Караой
7. kép. Karaoji lelet

- ная прорезь. Крепежные штифты расположены на тыльной стороне (рис. 10. 8);
- сердцевидная литая бляшка с растительным орнаментом. Имеет два штифта на тыльной стороне. Данная форма поясных бляшек-накладок, пожалуй, самая распространенная в огузо-печенежское время (рис. 10. 5);
  - две концевые подвески – наконечники ремней подпрямоугольной формы, без орнамента, размерами $1,9 \times 1,5$ см, со скругленным нижним краем (рис. 10. 2, 3);
  - бляшка неорнаментированная полуовальной формы. Нижняя ее часть, вероятно, обломана (рис. 10. 4);
  - крупная бляха около 3,5 см в диаметре округлой формы, орнаментированная в геометрическом стиле, имеет четкие округлые линии и три подтреугольных выступа. На бляшке имеются три симметричных отверстия овальной формы, визуально делящие бляху на три части одинакового размера. Бляшка, вероятно, представляет собой тройник крепления ремней (рис. 10. 1; рис. 11–13).

Еще один археологический комплекс заслуживает внимания, исходя из канвы затронутой проблемы. В 2011 году совместная экспедиция Казахстана и Германии, работавшая в окрестностях пос. Жиренокопа, в районе нижнего течения Сары-Кобды, недалеко от впадения в Илек, при изучении межкурганного пространства крупных археологических объектов раннего железного века на могильнике Тортоба исследовала непо потревоженное захоронение, относящееся

к рассматриваемому времени. Сам комплекс находится в стадии обработки, поэтому в данной работе будут привлечены некоторые моменты.

На глубине около 80 см от дневной поверхности было расчищено погребение человека (женщина?), возрастом около 25–35 лет (предварительные консультации – А. И. Нечвалода и Е. П. Китов), лежавшего вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Кости рук слегка отставлены от тела, ноги вытянуты прямо, голова наклонена вправо (рис. 16). Погребенного сопровождала трубчатая кость лошади (?) за головой, сильно коррозированный клинок (кинжал ?) вдоль правой бедренной кости и лежащие поверх тела поясной и сбруйные ремни. На запястьях находились серебряные браслеты, на руках – массивные серебряные перстни. Один со вставкой из зеленого минерала (рис. 15. 12, 13).

В комплекте погребального инвентаря в большом количестве представлены подквадратные ременные бляхи с прямоугольной прорезью для подвесного ремня и бляшки-лунницы с «ушками» идентичные вышеописанным из Курмана (рис. 15. 3, 4, 6, 16–18; рис. 19–25). Присутствуют две ажурные подвески, два богато декорированных наконечника ремня лепестковидной формы, распределитель ремня-«тройчатка», подвесной с обломанным нижним краем плоский амулет, вероятно, с антропоморфным изображением, две ажурные литые трапециевидные накладки-подвески вытянутых пропорций, большое количество мелких бляшек, состоящих из трех, соединенных перемычками полусфер (рис. 15. 1–8, 11, 14, 15), плетенная проволочная цепочка (окантовка одежды?) (рис. 17–18), сердцевидные накладки, крепление металлических украшений штифтовое с пластинками под расклепанным торцом штифта, для максимальной надежности соединения.

Таким образом, рассматриваемые комплексы представляют собой интересный блок артефактов раннего средневековья со своеобразной хроно-культурной позицией. Предметы, составляющие воинские пояса и металлические изделия конской сбруи, отлитые и штампованные из бронзы с серебрением, являются достаточно распространенной категорией инвентаря, бытовавшего в огузо-печенежский период с

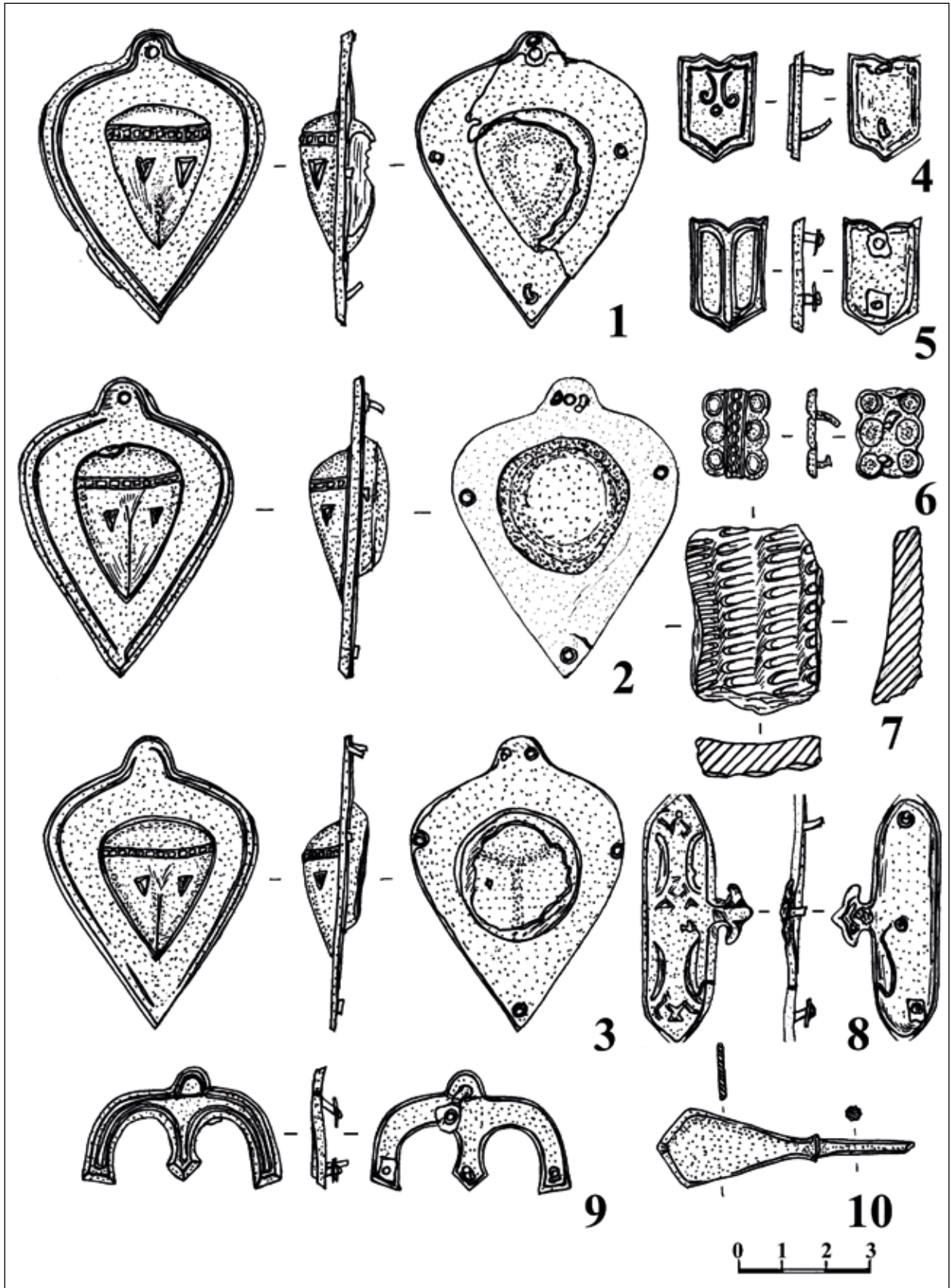

Рис. 8. Комплекс Караої
 8. kép. Karaoui leletgyűttes

Рис. 9. Комплекс Курман
9. kép. Kurmani leletgyűttes

VIII до XI вв. Но, исходя из присутствия вышеуказанных комплексов, данный хронологический отрезок для крупного региона Республики Казахстан отличался гораздо большей этнической «пестротой», важным составляющим элементом которой было наличие древневенгерских групп населения.

Наиболее близкие по форме аналогии штампованным накладкам-лунницам, бронзовым округлым пряжкам из Курманского и Тортобинского комплексов происходят из комплектов предметов бахмутинской культуры Южного Приуралья.⁸ Памятники бахмутинской культуры связываются с племенами финно-угорского круга середины – второй половины I тыс. н.э. На рубеже VIII–IX вв. часть представителей бахмутинской культуры ушла из Приуралья на запад, оставшиеся группы ассимилировались в составе древнебашкирских племен.

Сбруйные бляхи-решмы, были детально проанализированы Л. М. Гаврилиной.⁹ Подобный тип предметов конской сбруи был широко распространен от Причерноморья до Сибири. Наиболее близкие караойским бляшкам происходят из Саркела, Быково II (курган 3, погребение 5), Новоникольского (курган 7, погребение 13), Покровского. Реалистичное изображение человеческого лица прослежено на бляхе из Новоникольского. Изображение лиц на бляхах из Караоя сильно стилизовано, но очень четко выделен такой элемент украшений, как налобный ремешок в виде цепи прямоугольников. В Восточной Европе распространение сбруйных наборов с решмами приходится на X–XI вв.¹⁰ С учетом западного направления миграций средневековых кочевников, для подобных вещей Казахстана можно предположить более раннюю дату – IX–X вв. Птицевидные нашивки, маркирующие,

⁸ Мажитов 1968, 76; Мажитов 1981б, 25, 116.

⁹ Гаврилина 1993, 77–85.

¹⁰ Кирпичников 1973, 26–30.

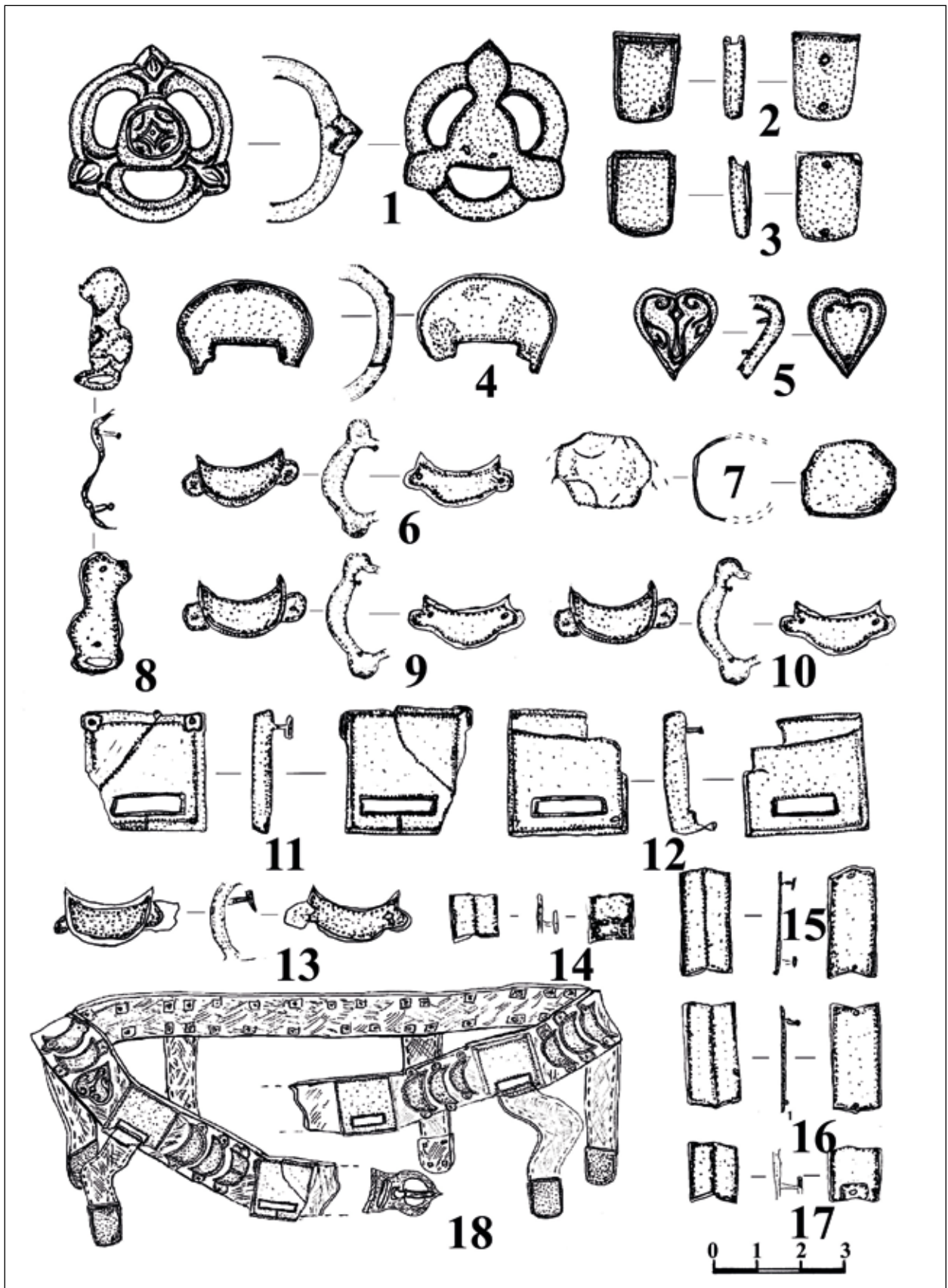

Рис. 10. Комплекс Курман
10. kép. Kurmani leletgyűjtés

Рис. 11. Комплекс Курман
11. kép. Kurmani leletek

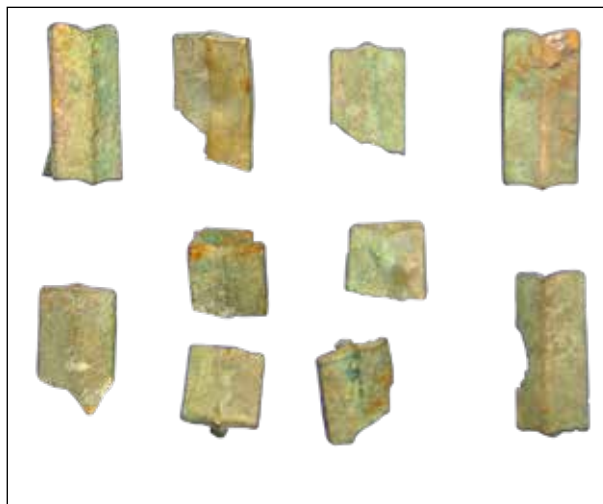

Рис. 12. Комплекс Курман
12. kép. Kurmani leletek

Рис. 13. Комплекс Курман
13. kép. Kurmani leletek

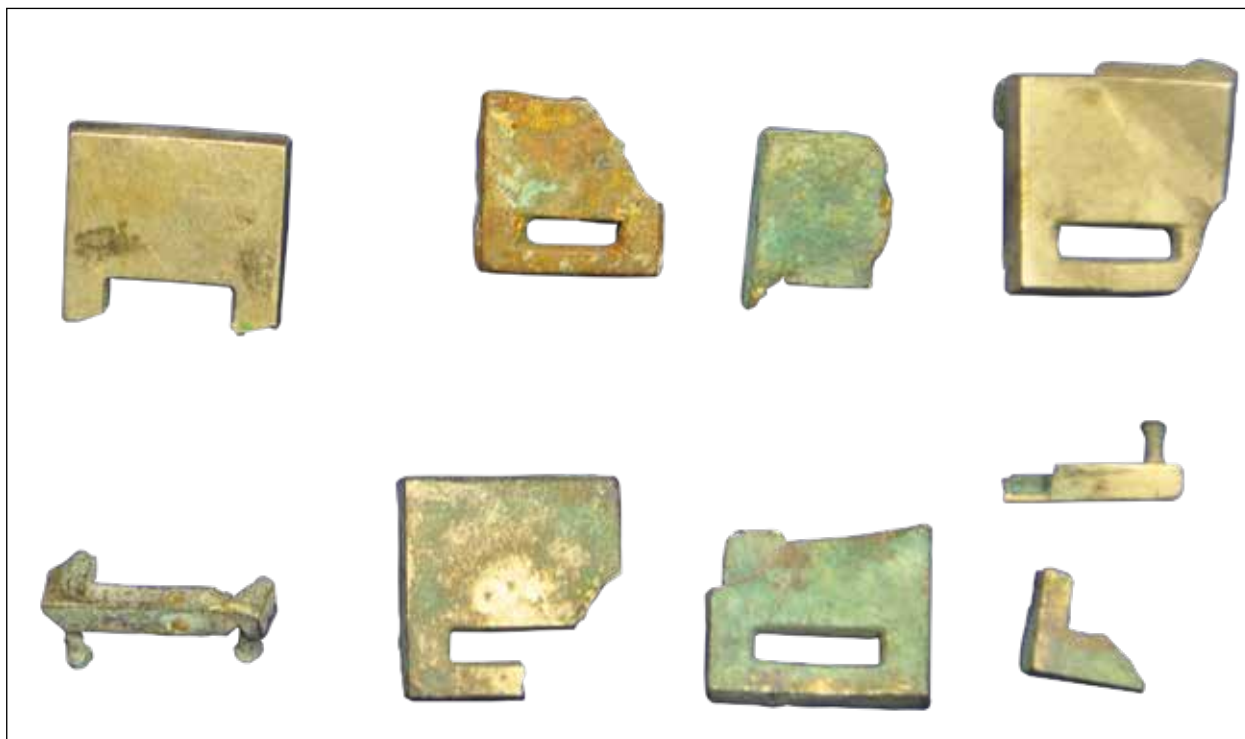

Рис. 14. Комплекс Тортоба
14. kép. Tortobai leletek

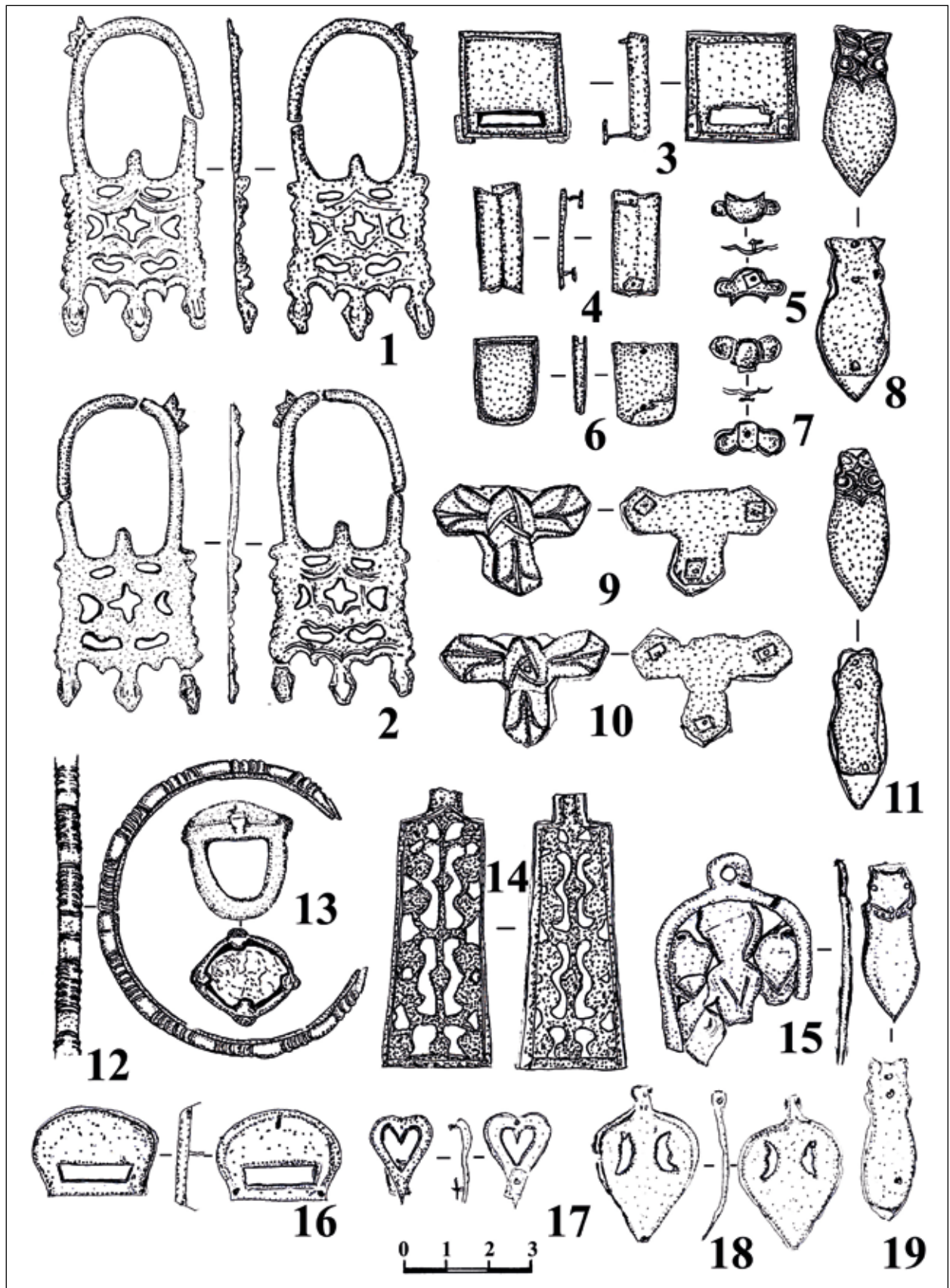

Рис. 15. Комплекс Тортоба
15. kép. Tortobai leletgyűttes

Рис. 16. Комплекс Тортоба. Погребение 2.

16. kép. Tortoba 2. sír

по мнению В. А. Кригера, огузские захоронения, своими корнями уходят в изделия сrostкинской культуры.¹¹ Экземпляр из Караоя отличает то, что это не нашивка, а ременная бляшка, по форме близкая изделиям со стилизованными лошадиными мордами прикамских угров. Мелкие бляшки поясной гарнитуры были широко распространены в раннем средневековье по всей степной полосе в VIII–XI вв.

Несколько особняком в кругу кочевнических предметов стоит клад из Песчаного карьера бракованных бронзовых изделий, изготовленных, судя по отсутствию доработки и затекам между половинками литейной формы, на месте, а не завезенных из лесостепной территории. Нагрудные подвески в виде колеса с выступающими шариками абсолютно идентичны распростра-

ненным у населения бахмутинской культуры в междуречье Камы, Белой и Уфы. Сходные предметы происходят из Бирского могильника, а также встречаются у племен полумской и ломатовской культур.¹² Ритуальные ложечки также присущи указанному кругу памятников и культур. В том числе, они встречаются в более поздних караякуповских комплексах и в Больше-Тиганском могильнике.¹³ Поиск аналогий серьгам, подработанных подтачиванием в отличие от остальных предметов, приводит к тому же кругу памятников.

Богатый комплект металлических изделий из Эмбы имеет в своих составных элементах сходство с предметами VIII–IX вв. из Бекешевских, Хусаиновских I, II, Ямаши-Тауских, Лагеревских курганов, опубликованных Н. А. Мажитовым.¹⁴

¹¹ Кригер 1986, 26.

¹² Мажитов 1981, 41; Амброз 1980, 31; Розенфельдт 1987, 147–153.

¹³ Мажитов 1981a, 172; Халикова 1976, 67–78.

¹⁴ Мажитов 1981, 84–87, 90.

*Рис. 17. Комплекс Тортоба. Погребение 2.
17. kép. Tortoba 2. sír*

*Рис. 18. Комплекс Тортоба. Погребение 2.
18. kép. Tortoba 2. sír*

С территории Актюбинской области близкое по хронологической и культурной позиции происходит погребение из могильника Атпа, восточных отрогов Мугодзар.¹⁵ Интересные по форме исполнения фигурного выреза квадратные поясные бляшки аналогичны предметам VIII – начала IX вв., приведенным В. А. Могильниковым в таблице ХСІХ,¹⁶ из погребения 16 могильника Архиерейская Заимка релкинской культуры.

Определение хронологической позиции и культурной принадлежности анализируемых предметов из Тортобы и Курмана и поиск аналогий в кругу надежно атрибутированных поясных наборов и предметов конской сбруи, кроме Южного Приуралья, выводит на территорию Западной Сибири и Зауралья. Значительное сходство прослеживается в предметах релкинской культуры конца VII–IX вв., выделенной

Рис. 19. Комплекс Тортоба
19. kép. Törtobai leletek

Рис. 20. Комплекс Тортоба
20. kép. Törtobai leletek

¹⁵ БИСЕМБАЕВ–ГУЦАЛОВ 1996, 245–258.

¹⁶ МОГИЛЬНИКОВ 1987, 347.

Рис. 21. Комплекс Тортоба
21. kép. Tortobai lelet

Л. А. Чиндиной.¹⁷ Основной ареал распространения этой культуры – Средняя Обь с выходом на Северный Казахстан. Для памятников релкинской культуры характерны прямоугольные и округлые неорнаментированные бляхи-оправы с прорезями, сердцевидные бляхи с орнаментом, бронзовые геральдические пряжки с неподвижным щитком, рамчатые пряжки с рамками округлой и подпрямоугольной форм, близкие по форме и исполнению комплексу из Курмана.

Бляшки аналогичных форм, а именно, сердцевидные, прямоугольные или округлые, украшенные в растительном стиле, часто встречаются в находках усть-ишимской, юдинской культур угров и самодийцев Урала и Западной Сибири, а также в памятниках кинтусовского этапа культур Нижнего Приобья.¹⁸ Усть-ишимская культура была распространена в основном в лесной полосе Среднего Прииртышья и частично в его лесостепной зоне и связана с угорским по происхождению населением – обскими хантами.

Пожалуй, наибольшее сходство рассматриваемый комплекс Курмана демонстрирует с предметами кушнареновско-каракуповской культуры Башкирии. Сходство формы и орнамента с круглой бляхой-тройником прослеживается в материалах раскопок 2-го этапа каракуповской культуры. Это бляхи, найденные на Южном Урале, при раскопках Ишимбаевского, Лагереvского, Муракаевского, Хусаинского и др. могильников.

Они имеют идентичную курманской бляхе форму: округлые, с симметричными овальными прорезями и растительным орнаментом. Весь вышеуказанный круг аналогий Южного Приуралья, Зауралья и Западной Сибири применим по отношению к предметам поясной гарнитуры и конской сбруи из Тортобы. Близкое сходство обнаруживают ажурные вытянутой трапецевидной формы накладки-подвески с обнаруженными на Стерлитамакском могильнике.¹⁹

Таким образом, рассмотренные комплексы Караой, Курман, Эмба, Тортоба и Песчаный карьер имеют следующую хронологическую позицию – VIII–X вв. Широкий круг аналогий связывает исследуемый регион с населением лесостепной и притаежной зон, расположенных севернее и северо-восточнее районов обнаружения – в памятниках современной Башкирии, Татарстана, Западной Сибири. В связи с этим, в среде археологов, сформировались два основ-

Рис. 22. Комплекс Тортоба
22. kép. Tortobai lelet

¹⁷ Чиндина 1974, 136–147.

¹⁸ Могильников 1987, 168–176, 193–200.

¹⁹ Мажитов 1981, 94.

Рис. 23. Комплекс Тортоба
23. k p. Tortobai leletek

ных направления – Приуральско-Поволжское и Зауральско-Западносибирское, связывающие происхождение древних венгров с конкретной территорией, выдвинутые и защищаемые Е. А. Халиковой и В. А. Могильниковым, которым было высказано следующее: «Регион степей между Уралом и Аральским морем, видимо, можно исключить из ареала протомадьярского этногенеза I тысячелетия н.э.». ²⁰ Определенные итоги возникшей дискуссии при рассмотрении культурно-хронологической позиции Синеглазовских курганов подводил С. Г. Боталов. ²¹

Другой вектор дискуссии, развернулся вокруг этнокультурной принадлежности кушнареноквско-караякуповских древностей древним башкирам или венграм. Не вдаваясь в ее подробности, следует отметить, что наиболее последовательным сторонником тюркского происхождения был Н. А. Мажитов. Другая часть исследователей караякуповскую культуру сопоставляет с уграми, предками венгров. Активным представителем этого направления и постоянным оппонентом Н. А. Мажитова является В. А. Иванов. ²² Данная культура, распространенная на Южном Урале в период VIII–X вв. и выделенная после раскопок у д. Караякупово в Чишминском р-не ²³ Г. И. Матвеевой, имеет многочисленные аналогии в материалах древнехантыйских и древнемансийских археологических культур бассейна рр. Тобол, Иртыш и Исеть, что позволяет связывать носителей этой культуры с уграми. Данное этнокультурное определение подтверждается высокой степенью типологического сходства погребальных памятников караякуповской культуры с могильниками древних мадьяр IX – нач. X вв. Е. А. Халикова в 1975 году выдвинула концепцию об этногенетическом родстве носителей караякуповской культуры и древних мадьяр, а территорию распространения культуры отождествляла с древней родиной венгров – Великой Венгрией (*Magna Hungaria*). ²⁴ В последующее время верхнюю дату караяку-

²⁰ Халикова 1975, 37–42; Могильников 1993.

²¹ Боталов 1988, 130.

²² Иванов 1988, 53–65.

²³ Матвеева 1975, 13–22.

²⁴ Халикова 1975, 40.

Рис. 24. Комплекс Тортоба

24. kép. Tortobai leletek

повских памятников середины IX века стали отождествлять с началом миграции мадьяров на запад.

В присутствии на территории Западного Казахстана предметов с отчетливыми древнененгерскими признаками в раннем средневековье нет противоречия общей канве исторических событий. Территория региона, примыкающая к Южному Приуралью, в древности и средневековье была населена племенными группами с близкими этническими и культурными чертами. В частности, П. Т. Верешем, рассматривавшим раннее на основе этно-лингвистических данных территорию Зауралья как возможную территорию формирования древнененгерского этноса,²⁵ позднее был поставлен вопрос о формировании древнененгерского этноса на территории Северного Приаралья, но уже на основе анализа данных антропологии, лингвистики, археологии.²⁶

Согласно данным письменных источников до IX в. на территории Западного Казахстана восточнее и юго-восточнее Аральского моря обитали племена печенегов. В VIII веке печенеги обитали на средней Сырдарье, где начались их первые столкновения с племенами огузов. Именно с этой территории, по мнению С. Г. Кляшторного, они принесли этноним «кангар».²⁷ Возможно, печенеги подверглись тюркизации в период господства Западно-Тюркского каганата, что в дальнейшем отразилось в их делении на печенегов-кангар и просто печенегов.²⁸ Во второй половине I тыс. н.э. с территории Южной Сибири и Алтая в низовья Сырдарьи мигрировали племена огузов, для которых период VIII–IX вв. является важным в этнической и политической истории.

Это время интенсивного формирования огузской конфедерации, на основе которой в даль-

²⁵ ВЕРЕШ 1985, 113–114.

²⁶ ВЕРЕШ 1998, 167–170.

²⁷ КЛЯШТОРНЫЙ 1964, 161–165.

²⁸ КРИГЕР 1986, 115.

Рис. 25. Комплекс Тортоба
25. k p. Tortobai leletek

нейшем, в конце IX – начале X вв., образовалось государство Сырдарьинских джабгу (ябгу) вокруг Аральского моря, вытеснив севернее к бассейну Урала печенегов. Восточный и Центральный Казахстан занимает кимакская конфедерация, в составе с кыпчаками. На Нижнем Поволжье приходит в упадок Хазарский каганат. Противоборствующие стороны – огузы и печенеги, были завязаны в мировой политике. Наиболее невыгодным было положение печенегов, зажатых со всех сторон сильными соседями. Огузы в борьбе с печенегами использовали временные военные союзы с Хазарским каганатом и кыпчаками. Борьба за Приаральские пастбища привела к тому, что с середины IX в. земли западнее Центрального Казахстана в нарративных источниках стали называться «Дешт-и-Огуз» (ал-Истахри).

Окончательный разгром печенегов огузами в союзе с Хазарским каганатом в конце IX в. и вытеснение их дальше из Волго-Уральского междуречья, привели к тому, что, этноним «огуз» получил распространение на всей территории Западного Казахстана. Этнический состав огузских кочевых объединений в регионе с этого момента стал еще более разнороден. В них входили этнические группы, племена и роды различного происхождения: асов, алан, остатки разбитых печенегов, по-видимому, наиболее слабая их часть в экономическом плане. Данные об этом содержатся в сочинениях византийского императора Константина Багрянородного и посла Арабского халифата в Волжскую Булгарию Ахмеда ибн-Фадлана.²⁹

В составе печенегов, племенные группировки которых также отличала разнородность, находи-

²⁹ Константин Багрянородный 1989, 157; Ковалевский 1956, 130.

лись представители древнебашкирских племен и родов, таких как бурзяне, усергане, тангаура. В пользу этого факта говорят данные археологии,³⁰ легенды и предания башкир.³¹ Печенеги в начале IX вв. вытеснили из Южного Приуралья и Западного Казахстана мадьяр-протовенгров в Северное Причерноморье, которое осталось в их исторической памяти и источниках как Леведия и Ателькуза.³² Хазары пытались использовать мадьяр в качестве противовеса печенежской опасности, используя дипломатические приемы и совместные военные действия. Однако, эти попытки не имели успеха и мадьярам пришлось уйти в Причерноморье.³³

Совместные военные действия Хазарского каганата и огузов привели к дальнейшим перемещениям значительных масс населения. Печенеги под давлением огузов прорвали хазарский заслон, выйдя к концу IX в. на границы Киевской Руси и Византийской империи, заселили нижнее течение Днепра по обоим его берегам. Мадьярам-протовенграм ничего не оставалось, как перед лицом грозной опасности – старого врага и печенегов, покинуть Северное Причерноморье и двинуться в поисках свободного жизненного пространства в Паннонию. К 895 году венгры (мадьяры) в основной массе появились на берегах Дуная, завоевав местные славянские племена. Этот период в венгерской истории получил название «период обретения родины».³⁴

Археологические памятники на территории Западного Казахстана VIII–IX вв. – времени обитания печенегов, обладают большой вариативностью в чертах погребального обряда. Работа с материалами раскопок региона за последние годы и учет опубликованных по Южному Приуралью убеждают в этом. Причина данного явления, на наш взгляд, заключается в том, что печенежское объединение носило

конгломератный характер, включая в себя различные кочевнические группировки, в частности, древнебашкирские.

Вероятно, древнебашкирские племена, включенные в состав печенежского объединения, занимали восточную окраину расселения печенегов до середины IX в. по соседству с районами, контролируемые огузами. Использование союзников в качестве буфера в пограничной зоне – весьма распространенное явление в практике кочевых народов. В составе башкирских племенных групп, по-видимому, присутствовали в значительном численном выражении представители древневенгерского этноса, подтверждением чему служат проанализированные комплексы из Тортобы, Караоя, Эмбы, Курмана и Песчаного карьера. Тесные этноконтакты с угорским населением еще на территории Северного Приуралья – в Западном Казахстане обеспечили древнебашкирским кочевым группам возможность бесконфликтно обосноваться на Южном Урале, после прорыва огузов и установления их доминирования в регионе.

Весьма отчетливые и явные параллели с памятниками угорского (древневенгерского) мира позволяют говорить о присутствии в раннем средневековье в локальных географических микрорайонах большого западного региона Казахстана – Уило-Кобдинском, Темиро-Эмбенском, Илекском значительных групп древневенгерского населения, что в свою очередь, коррелируется с гипотезами о прародине венгров в Южном Приуралье и Западной Сибири. Таким образом, вполне реально рассматривать Западный Казахстан, как район пребывания кочевых групп древних венгров и формирования одной из составных частей древневенгерского этноса до времени их переселения на берега Дуная в конце IX в.

³⁰ Гуцалов 1993, 165.

³¹ Кузеев 1971, 23.

³² Седов 1987, 236–239.

³³ Артамонов 1962, 343–345.

³⁴ Эрдели 1986, 310–336.

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ 1989: Константин Багрянородный: *Об управлении империей*. Пер.: Литвинова, Г. А. Москва 1989.
- КОВАЛЕВСКИЙ 1956: Ковалевский, А. П.: *Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.* Харьков 1956.

ЛИТЕРАТУРА

- АКИШЕВ 1972: Акишев, К. А.: К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана. В: *Поиски и раскопки в Казахстане. Академия наук КазССР, Институт истории, этнографии и археологии*. Отв. ред.: Акишев, К. А. Алма-Ата 1972, 31–46.
- АМБРОЗ 1980: Амброз, А. К.: Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. В: *Средневековые древности евразийских степей*. Отв. ред.: Плетнева, С. А. Москва 1980, 3–56.
- АРТАМОНОВ 1962: Артамонов, М. И.: *История хазар*. Ленинград 1962.
- АТЛАС 1982: *Атлас Казахской ССР*. Москва 1982. Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР. Т.1.
- БИСЕМБАЕВ 2003: Бисембаев, А. А.: Картографический анализ памятников средневековых кочевников Западного Казахстана. В: *Степи Северной Евразии. Эталонные степные ландшафты: проблемы охраны, экологической реставрации и использования. Материалы III международного симпозиума*. Отв. ред.: Чибилев, А. А. Оренбург 2003, 996.
- БИСЕМБАЕВ 2003а: Бисембаев, А. А.: Случайные находки рубежа I–II тысячелетий с территории Актюбинской области. *Известия НАН РК. Серия общественных наук* 2003:1, 60–74.
- БИСЕМБАЕВ–ГУЦАЛОВ 1996: Бисембаев, А. А. – Гуцалов, С. Ю.: Средневековые погребения с территории Актюбинской области. В: *Вопросы археологии Западного Казахстана*. Отв. ред.: Ткачев, В. В. Самара 1996, 247.
- БИСЕМБАЕВ–ФОМЕНКО 2016: Бисембаев, А. А. – Фоменко, А. С.: Комплекс случайных находок раннего средневековья из песчаных массивов среднего течения Уила. В: *Материалы международной научно-методической конференции «VIII Оразбаевские чтения»*. Отв. ред.: Мутанов, Г. М. Алматы 2016, 201–204.
- БОТАЛОВ 1988: Боталов, С. Г.: Культурно-хронологическая принадлежность Синеглазовских курганов. В: *Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Межвузовский сборник*. Отв. ред.: Зданович, Г. Б. Челябинск–Уфа 1988, 126–140.
- ВЕРЕШ 1985: Вереш, П.: Некоторые аспекты этногенеза венгерского народа. В: *Урало-Алтаистика. Археология, этнография, язык*. Новосибирск 1985, 113–118.
- ВЕРЕШ 1998: Вереш, П. Т.: К вопросу о приуральской прародине древневенгерского этноса. В: *Приуралье в древности и средневековье. К 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции*. Отв. ред.: Неразик, Е. Е. Москва 1998, 167–172.
- ГАВРИЛИНА 1993: Гаврилина, Л. М.: Бляхи-решмы в украшении узды у кочевников Восточной Европы X–XI вв. В: *Новое в средневековой археологии Евразии. Сборник научных трудов*. Отв. ред.: Васильев, И. Б. Самара 1993, 77–85.
- ГУЦАЛОВ 1993: Гуцалов, С. Ю.: Погребение средневекового воина в восточных отрогах Мугоджар. В: *Кочевники Урало-Казахстанских степей: Сборник научных трудов*. Отв. ред.: Таиров, А. Д. Екатеринбург 1993, 162–166.
- ГУЦАЛОВ 2004: Гуцалов, С. Ю.: *Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э.* Уральск 2004.
- ИВАНОВ 1988: Иванов, В. А.: Magna Hungaria – археологическая реальность? В: *Проблемы древних угров на Южном Урале: Сборник статей*. Отв. ред.: Пшеничнюк, А. Х. Уфа 1988, 53–64.
- КАЗАХСТАН 1969: *Природные условия и естественные ресурсы СССР*. Москва 1969.

- Кирпичников 1973: Кирпичников, А. Н.: *Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв.* САИ. Е1–36. Ленинград 1973.
- Кляшторный 1964: Кляшторный, С. Г.: *Древнетюркские рунические памятники как источник по истории как источник по истории Средней Азии.* Москва 1964.
- Кригер 1986: Кригер, В. А.: Средневековые кочевники Заволжья (обзор источников). В: *Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Межвузовский научный сборник.* Отв. ред.: Скрипкин, А. С. Саратов 1986, 114–131.
- Кузеев 1971: Кузеев, Р. Г.: Урало-Аральские этнические связи в конце I тыс. и история формирования башкирской народности. В: *Археология и этнография Башкирии.* Под ред.: Кузеева, Р. Г. – Сальникова, К. В. Уфа 1971, 17–29.
- Мажитов 1968: Мажитов, Н. А.: *Бахмутинская культура.* Москва 1968.
- Мажитов 1981: Мажитов, Н. А.: *Курганы Южного Урала в VIII–XII вв.* Москва 1981.
- Мажитов 1981а: Мажитов, Н. А.: Южный Урал в IX – начале X в. В: *Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР в 20-ти томах.* Отв. ред.: Плетнева, С. А. Москва 1981, 80–82.
- Мажитов 1981б: Мажитов, Н. А.: Южный Урал в VI–VIII вв. В: *Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР в 20-ти томах.* Отв. ред.: Плетнева, С. А. Москва 1981, 23–28.
- Матвеева 1975: Матвеева, Г. И.: Памятники кара-якуповского типа в Приуралье. В: *Из истории среднего Поволжья и Приуралья V. Научные труды Куйбышевского пед.института.* Куйбышев 1975, 13–22.
- Могильников 1987: Могильников, В. А.: Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири. В: *Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР в 20-ти томах.* Отв. ред.: Рыбаков, Б. А. Москва 1987, 163–235.
- Могильников 1993: Могильников, В. А.: К проблеме исходной территории миграции протомадьяр. В: *Новое в средневековой археологии Евразии. Сборник научных трудов.* Отв. ред.: Васильев, И. Б. Самара 1993, 170–172.
- Розенфельдт 1987: Розенфельдт, Р. Л.: Поломская культура. В: *Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР в 20-ти томах.* Отв. ред.: Рыбаков, Б. А. Москва 1987, 144–152.
- Седов 1987: Седов, В. В.: Венгры в Восточной Европе. В: *Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР в 20-ти томах.* Отв. ред.: Рыбаков, Б. А. Москва 1987, 236–239.
- Халикова 1975: Халикова, Е. А.: Magna Hungaria. *Вопросы истории* 1975:7, 37–42.
- Халикова 1976: Халикова, Е. А.: Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья. *Советская археология* 1976:3, 141–156.
- Чибилев 1987: Чибилев, А. А.: *Река Урал.* Ленинград 1987.
- Чиндина 1974: Чиндина, Л. А.: Могильник Релка. В: *Вопросы истории Сибири* 8. Томск 1974:8, 136–147.
- Эрдели 1986: Эрдели, И.: Археология Венгрии VI–XI вв. В: *Археология Венгрии: конец II тыс. до н.э. – I тыс. н.э.* Отв. ред.: Титов, В. С. – Эрдели, И. Москва 1986, 310–346.